

Х. Влияние среды.

Высказанную только что истину, впрочем, уже начинают все больше и больше сознавать, и она все больше прокладывает себе дорогу в научном мире, так что теперь оспаривать факт изменения живых существ под влиянием среды могут разве только какие-нибудь устарелые представители официальной науки.

В настоящее время все признают, что почва, климат, благоприятные или неблагоприятные для жизни организмов условия оказывают такое же, если не большее, влияние на их развитие, как и все другие причины, которым прежде приписывали исключительное влияние на их приспособление к окружающему миру и на их изменения.

Относительно человека, которого хотели выделить из всех остальных существ, признать это было не так легко, тем более, что он, в свою очередь, и сам изменяет ту среду, в которой живет. В конце концов, однако, и здесь пришли к заключению что он, подвержен тем же влияниям и развивается в силу тех же самых первоначальных причин, как и все другие организмы. Еще труднее было дойти до объяснения, на основании тех же самых законов, его нравственной эволюции: даже те, которые отрицают свободу воли и признают, что человек действует исключительно под давлением внешних условий, не могут до сих пор принять всех последствий этого, т. е. признать, что причина преступности лежит в характере всего существующего строя, и что поэтому самый этот строй требует преобразований. Немногие, наиболее смелые, соглашались в принципе с тем, что наш общественный порядок плох, что он нуждается в реформах, что некоторые из его учреждений являются, действительно, причиной преступлений; но и в их глазах главной виновницей оказывается все-таки сама порода человека: ей свойственны, говорят они, такие страсти, которые нужно обуздывать, а это может сделать только общество, как бы значительны не были его недостатки. Чтобы смягчить ответственность общества в целом, они, кроме того, делят общественную среду на несколько частей, каждой из которых точно также дают название среды и приписывают все дурные влияния этим отдельным частям. Что касается общества, говорят они, то, конечно, оно несовершенно; но все-таки, даже в том виде, как оно есть, оно защищает слабых, обеспечивает личности свободу труда и оказывает ей более действительную и более дешевую защиту, чем если бы ей пришлось защищаться самой. Одним словом, общество – это договор взаимного страхования, заключенный между личностями, и преступления зависят гораздо больше от самой природы человека, чем от общественной организации.

Мы далеко не считаем человека образцом совершенства: по правде сказать, это – довольно жалкое животное, которое или растаптывает ногами себе подобных, или же пресмыкается перед теми, кто может растоптать его самого. Однако человеком руководят не исключительно только дурные инстинкты: все те прекрасные чувства любви, милосердия, братства, самоотвержения, солидарности, которые воспеваются и поэзией, и религией, и нравственностью, показывают, что если он и действует иногда под влиянием чувств дурных,

то в нем все-таки живет некоторое стремление к идеалу, к совершенствованию. И вот это-то стремление общество и подавляет, мешая ему развиваться.

Человек, и в физическом, и в нравственном отношении, не создан сам, как и все другие животные, высшим типом которых он является, он представляет собой продукт известных обстоятельств, известных комбинаций и соединений вещества. Ему пришлось бороться за свое развитие, и если он в значительной степени преобразовал окружающую его среду, то эта последняя оказала в свою очередь влияние на его привычки, на весь его способ жить, думать и действовать. Человек создал общество под влиянием своего характера и своих влечений и до сих пор продолжает оказывать на него известное влияние; но не нужно забывать, что, со времени основания первых обществ; человек не переставал развиваться, тогда как общества, с самого появления крупных общественных групп, не переставали быть основанными на принципах власти и собственности. Революции вносили некоторые изменения в отдельные частности; власть и собственность переходили из рук в руки, от одного класса к другому, но в основе общества все также лежали антагонизм и конкуренция между личностями и оно все также давило всей своей тяжестью на их духовное развитие.

Люди рождаются в общественной среде, в ней же приобретают свои первые понятия и проникаются целым рядом предрассудков и ложных представлений, в ложности которых они убеждаются только после целых веков критического разбора. Приходится поэтому признать, что влияние общественной среды на личность громадно, что оно давит на нее и всей тяжестью своих учреждений, и всей своей коллективной силой, и всем тем могуществом, которое она черпает из самой продолжительности своего существования, у человека же, для сопротивления этому влиянию, нет ничего, кроме его единичных сил.

Как первая попытка осуществления солидарности, общество должно было бы иметь целью улучшить людей, приучить их к той солидарности, во имя которой они соединились, заставить их братски любить друг друга и делиться друг с другом всем: радостью, удовольствиями, наслаждением, горем, страданием, трудом и продуктами труда. В действительности, однако, вышло наоборот: общество прежде всего разделило людей на множество классов, которые сводятся к двум главным: с одной стороны – правящие и имущие, с другой – управляемые и неимущие. На стороне первых мы находим избыток и пользование всеми благами жизни, на стороне вторых – нужду, лишения и недостаток во всем. Результатом этого является враждебность между этими двумя категориями, враждебность, превращающаяся в ожесточенную борьбу, которая может кончиться только или с окончательным порабощением второй категории, или с полным уничтожением первой – по крайней мере, как особого привилегированного класса.

Но это вредное и нелепое деление общества на два противоположные класса ведет еще и к другим последствиям. Лежащая в основе его противоположность интересов ставит личности во враждебное отношение друг к другу даже внутри каждого класса; существование частной собственности ведет к тому, что каждый стремится обогатиться, чтобы обеспечить себя на будущее время, раз общество не берет на себя этого обеспечения. В основе всего современного строя лежит конкуренция: какое бы ремесло, какую бы профессию, какой бы род торговли не избрал себе человек, ему всегда придется бороться с конкуренцией людей, занимающихся тем же самым делом. Для того, чтобы увеличить свои

доходы или шансы на успех, а иногда просто для того, чтобы не погибнуть, ему приходится рассчитывать на разорение конкурентов. Даже тогда, когда люди соединяются между собой, это оказывается всегда в ущерб какой-нибудь доле их собственного класса, занятой в той же самой отрасли промышленности. Основываясь на борьбе между личностями, общество превратило каждого человека во врага всех остальных и сделалось таким образом источником всех тех войн, преступлений, краж и т. п., которые обыкновенно приписывают недостаткам человеческой природы, но которые, в действительности, представляют собой исключительно результат общественной организации: общество только содействует их сохранению, тогда как они должны были бы понемногу исчезать под влиянием новых приобретаемых человеком нравственных понятий.

По той же причине и члены имущих классов постоянно ведут между собой борьбу, не видя в чем состоит истинный интерес их класса и что нужно сделать для того, чтобы обеспечить себе спокойную возможность заниматься эксплуатацией и устранить все то, что может показать эксплуатируемым истинное положение вещей. А это заставляет их делать множество промахов, только ускоряющих их падение.

Если бы буржуазия была действительно сплоченной силой, если бы ею двигал не личный интерес каждого, а исключительно общий интерес всего класса, то, при том могуществе, какое дает ей богатство, власть и господство над всеми учреждениями современного общества, административными, исполнительными и принудительными, при её умственном развитии – неизбежно более высоком, чем развитие рабочих, которым она так же скупое уделяет духовную пищу, как и материальную – она могла бы держать эксплуатируемых под гнетом нужды и зависимости, под которым они находятся теперь, еще неопределенно-долгое время. Но, к счастью, жажда пользоваться удовольствиями, блистать и обогащаться, заставляет её членов вести между собой не менее ожесточенную борьбу, чем они ведут с рабочими. В своей поспешности воспользоваться настоящим положением, они делают ошибки за ошибками, и рабочие, в конце концов, начинают понимать причину своего бедственного положения, начинают сознавать, на каком низком уровне буржуазия стремится их удержать.

Но и в среде рабочих идет такая же борьба, как и в среде буржуазии, и если там она угрожает целостности буржуазного строя, то здесь она, наоборот, содействует его сохранению. Вынужденные бороться за получение возможности заниматься каторжным трудом в пользу буржуазии, рабочие смотрят друг на друга как на врагов, а того, кто их эксплуатирует, склонны, наоборот, считать благодетелем. В обмен за их труд, буржуазия дает им лишь ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду; вот почему они склонны прежде всего смотреть неприязненно на того человека, который оспаривает у них с таким трудом полученную работу. Свободных мест мало; это еще больше усиливает конкуренцию и заставляет рабочего наниматься за более низкую плату, чем другой сотоварищ. И вот эта-то ежедневная борьба за кусок насущного хлеба и заставляет рабочих забывать, что худшие их враги, это их эксплуататоры.

Буржуазия, правда, сильна своим богатством, своим умственным превосходством и находящейся в её руках правительственной властью; но она, в конце концов, составляет, сравнительно со всей массой рабочих, лишь ничтожное меньшинство, и ей скоро пришлось

бы сдаться перед численным превосходством, если бы она не нашла средства разделить рабочих и заставить их самих содействовать поддержанию её привилегий.

Все это нам показывает, что человек – далеко не ангел, а в прошлом был и вполне зверем, в самом прямом значении этого слова. Когда он создал первое общество, он положил в его основу инстинкты борьбы и господства; вот почему это общество оказалось таким плохим. С течением времени общественная организация не перестала быть плохой: власть продолжала оставаться в руках меньшинства, которое обратило ее в свою пользу, и чем больше развивалось общество, тем больше сосредоточивалась в руках немногих эта власть и тем вреднее становились связанные с ней учреждения. Наоборот, в человеке, по мере развития его ума и облегчения добывания средств к существованию, развивалось чувство солидарности – то самое чувство, которое уже и раньше руководило им при его соединении с другими и которое впоследствии сделалось насущной потребностью. Но религия довела его до крайности, и своей проповедью милосердия и самоотречения обратила и его в новое орудие эксплуатации.

Каких только планов общественных преобразований ради счастья человечества не создавала потребность гармонического общежития! Но каждый раз общество давило всей своей тяжестью на хорошие инстинкты человека, возрождало в нем его первобытный эгоизм и заставляло смотреть на других как на врагов, которых нужно раздавить, чтобы не быть раздавленным самому; оно приучало его быть равнодушным свидетелем гибели тех, кого давили колеса чудовищного общественного механизма: он не мог броситься им на помощь, потому что это значило рисковать самому быть проглоченным ненасытной пастью чудовища, пожирающего в особенности добрых и наивных людей, руководящихся человеколюбивыми чувствами, и щадящего тех, которые умеют втолкнуть в пасть других и этой ценой отсрочить свою собственную гибель.

Люди возмущаются против тунеядцев, воров и убийц, против неисправимо-дурных сторон человеческой природы, и не замечают того, что все эти пороки давно бы исчезли, если бы их не поддерживал и не развивал существующий общественный строй. Как же вы хотите, чтобы человек был трудолюбивым, когда в нашем обществе труд считается унижительным и составляет удел парий, когда эксплуататоры превратили его, благодаря своей страсти к наживе, в пытку, в занятие рабов? Как вы хотите, чтобы не было лентяев, когда для всякого человека, который хочет улучшить свое положение, идеал – это накопить, какими бы то ни было средствами, достаточно денег, чтобы жить ничего не делая или заставлять работать на себя других? И чем больше число эксплуатируемых им рабов, тем выше его общественное положение, тем большим почетом он окружен и тем, следовательно, больше та сумма наслаждений, которую он может взять от жизни.

Общество построено иерархическим образом и самые высшие положения, т. е. те, на которые смотрят как на награду за ум, добродетель и трудолюбие, составляют удел именно тех, кто никогда ничего сам не делал. Люди, которым удалось тем или иным путем добраться до этой верхушки, едят, пьют и предаются наслаждениям, никогда не ударив палец о палец, а внизу лестницы стоят и смотрят на эту праздную жизнь эксплуатируемые, которые работают и производят богатства в поте лица, не получая взамен ничего кроме возможности не умереть с голоду, и не имея другой надежды выйти из этого положения

кроме какого-нибудь счастливого случая. И после этого еще удивляются, что люди имеют склонность жить ничего не делая! Мы скорее удивляемся тому, что есть еще глупцы, соглашающиеся работать!

Пример, который общество подает отдельным личностям, таков, что единственный возможный для них идеал, это – создать себе такое положение, где бы они могли заставлять работать и эксплуатировать других, чтобы не быть эксплуатируемыми самим. А когда у человека не хватает средств эксплуатировать людей законно, наживаясь на их труде, то он ищет других путей. Торговля и финансовые операции представляют собой пути, дозволенные законом и дающие огромные барыши, когда они производятся в крупных размерах; в мелких же операциях приходится прибегать к различным уловкам, при которых человек лавирует между различными статьями закона, а иногда и нарушает их, если только знает, что не попадетсЯ. Надувательство и обман являются тут очень ценными вспомогательными средствами, благодаря которым предприниматель может удесятерять свои барыши.

Для тех же, кто не может стать в такие условия, остается еще одно: эксплуатация человеческой доверчивости – мошенничество и другие подобные операции. Еще ниже мы находим грубое воровство и убийство. В зависимости от находящихся под руками средств, от среды, в которой они выросли, люди прибегают к тому или другому из указанных средств, а иногда и соединяют их вместе, чтобы как можно дальше уберечься от строгости закона, считающегося защитником общества.

Нужда и страдания – удел рабочих; тунеядство и наслаждение жизнью – удел тех, которые, благодаря силе, хитрости или происхождению, сделались их паразитами.

То же самое можно сказать и о солидарности. Как вы хотите, чтобы люди не грызлись между собой, когда они не знают, чем будут завтра питаться сами и чем накормят свою семью, если та работа, на которую они надеются, достанется их конкуренту? Как вы хотите, чтобы в них жило чувство солидарности, когда всякий раз, когда они дают нищему кусок хлеба, они думают, что может быть в будущем им неостанет этого куска? Как могут они поддерживать в себе это чувство, когда им приходится каждый день бороться за свое пропитание, когда на свете есть множество наслаждений, которых они никогда не узнают? Может быть именно потребность сплотиться в борьбе сблизила людей между собой и превратила это чувство в любовь к ближнему; но как бы то ни было, именно общество ответственно за переживание борьбы между личностями и вытекающую отсюда вражду. Как вы хотите, чтобы человек не желал другому зла, когда он знает, что исчезновение этого другого может помочь ему подняться одной ступенью выше на общественной лестнице, или дать ему лишний шанс на получение желанного места, когда, вообще, это – устранение опасного конкурента? Как можно требовать, чтобы человек сопротивлялся дурным побуждениям, когда он отлично знает, что все, что будет злом для его соседа, будет добром для него самого?

Вы говорите, что человек дурен; мы же, наоборот говорим, что в нем, должно быть, живет сильная склонность к добру, если общество не оказывается еще худшим, чем оно есть, если всевозможные преступления и несчастья не совершаются в нем еще чаще.

Человеку удалось развить в себе стремление к солидарности, справедливости и гармонии, наперекор всем влияниям среды, толкающей его на зло, и вот эти хорошие чувства стали опять-таки предметом эксплуатации для людей, живущих на его счет. Его мечты о счастье, его стремление к лучшему вызвало появление на свет целого класса паразитов, которые стали пользоваться этими стремлениями, суля ему их осуществление. Мало того: эти чувства даже стали наказываться, как нарушающие общественный порядок, и не смотря на все это, человечество продолжает стремиться воплотить их в жизнь. И после этого нам еще решаются говорить о дурных инстинктах человека!

Гуманные чувства, стремление к свободе и справедливости преследовались и наказывались потому, что люди, сумевшие отделаться от узкого, жестокого эгоизма, служащего опорой современного общества, стали мечтать о том времени, когда настанет общая гармония, и наслаждение жизнью сделается доступным для всех, и задались вопросом о том, почему общество, созданное для общего счастья, служит только для обеспечения привилегий небольшого меньшинства. Отсюда они вывели заключение, что общественная организация плоха, что она должна исчезнуть и уступить место другой, более разумной. Но так как люди, пользующиеся привилегированным положением, не хотели уступить своих привилегий, то они стали преследовать эти стремления как вредные, а это дало начало новой борьбе, создало новые поводы для развития дурных инстинктов.

Раз мы признали вредное влияние существующего общества на нравственный уровень личностей, то нам уже не трудно найти способ устранить в них дурные инстинкты и развить хорошие. Ваше общество, основанное на враждебности интересов, ведет к борьбе между личностями и создает то зловерное существо, которое мы называем цивилизованным человеком: найдите такую организацию, которая была бы, наоборот, основана на самой тесной солидарности. Сделайте так, чтобы личные интересы не были противоположны ни друг другу, ни интересу общему. Сделайте так, чтобы благосостояние личности вытекало из общего благосостояния и в свою очередь являлось его источником. Сделайте так, чтобы, для того, чтобы жить и пользоваться жизнью, людям не нужно было бояться конкуренции других; сделайте так, чтобы им, наоборот, было выгодно соединять вместе свои силы и свои стремления, и чтобы их ассоциация не могла оказывать вред другим, соседним, ассоциациям.

Вы боитесь лентяев – сделайте труд привлекательным. Вместо того, чтобы приковывать к нему небольшое меньшинство, для которого он обращается в пытку, уничтожьте все ваши бесполезные должности и организуйте общество так, чтобы каждый содействовал производству, и не под давлением какой-нибудь власти, а в силу естественного хода вещей. Сделайте труд полезным и необходимым, устройте так, чтоб он был гигиеническим упражнением, а не пыткой.

Существующая общественная организация не может дать ничего кроме войн, преступлений, обмана и нужды; это – результат существования частной собственности и власти, результат влияния среды. И если вы стремитесь к обществу, основанному на взаимном доверии, солидарности и общем благосостоянии, положите в основание его свободу, взаимность и равенство.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:11:18

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:11:31